

Е. Денисов,
ПОЛИТОЛОГ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
КАК РЕГИОН МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Центральная Азия (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизстан и Казахстан)¹ на рубеже XX–XXI вв. стала объектом повышенного внимания мировых экономических и политических центров. Такая тенденция обусловлена развертыванием активного соперничества между крупными региональными и глобальными державами за влияние в регионе; многочисленными трансграничными угрозами и вызовами, исходящими из него; разведанными запасами углеводородов. Будущее региона неопределенно. Оно зависит и от внешних причин, и от политической стабильности, и от степени внутренней интеграции.

Для мировой экономики Центральная Азия (ЦА) сегодня интересна в первую очередь как источник сырья. В политической сфере для международных игроков на повестке дня стоят вопросы исходящих отсюда таких угроз, как экспорт нестабильности, терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик, миграция и пр. В современной Центральной Азии борьба внешних сил принимает формы конкуренции различных интеграционных проектов, которые поддерживаются теми или иными нерегиональными силами. Важной составной частью этих проектов оказывается борьба за направления транспортных коммуникаций, и особенно трубопроводов.

Каждый международный регион характеризуется той или иной структурой формальных и неформальных институтов. К первым относятся международное право, уставы и решения ООН и других международных организаций, двусторонние и многосторонние договоры. Ко вторым можно отнести идентичность, куль-

---

¹ В политическое употребление термин «Центральная Азия» был введен в январе 1993 г. по решению саммита пяти государств региона в Ташкенте. Прежде в отечественной литературе эта территория именовалась «Средней Азией и Казахстаном». Однако, с точки зрения географической науки, Центральная Азия – это гораздо более крупный регион, включающий, помимо Средней Азии и Казахстана, также Монголию и западную часть Китая; такого же мнения придерживается и ЮНЕСКО. В качестве членов Центрально-Азиатского–Каспийского региона могут рассматриваться также Азербайджан и пограничные с Казахстаном территории России – от Астраханской области на западе до Алтайского края на востоке.

турно-цивилизационные нормы и системы ценностей региона, традиции взаимодействия, выработанные в ходе исторического развития.

Что касается постсоветского пространства, то ряд западных и часть российских исследователей полагают, что оно распадается, а входящие в него государства «притягиваются» к другим международным регионам, которые, с точки зрения известного политолога из Московского центра Карнеги Дмитрия Тренина, обладают большими возможностями для поддержания стабильности и внутрирегионального сотрудничества, чем ведущий интегратор СНГ – Россия.

Чем выше степень институционализации международных отношений в том или ином регионе, тем значительнее роль формальных и неформальных институтов. Примером может служить современная Западная Европа. Там на первый план в 1990-е годы вышла идея взаимовыгодного сотрудничества. На фоне последствий распада СССР эффективно действовали в ЕС и многосторонние структуры, которые попытались заменить собой по ряду параметров функции отдельных государств. Благодаря тому, что регион, в котором взаимодействие между входящими в него странами происходило с минимальными транзакционными издержками, он стал притягательным и для восточноевропейских государств, стремившихся минимизировать издержки переходного периода, в том числе за счет западноевропейской поддержки.

Экономическая и политическая характеристика Центрально-Азиатского региона (ЦАР)

Политическая ситуация в государствах региона чревата внутренней нестабильностью. Сложившиеся авторитарные политические режимы основаны на доминировании фигуры президента, использующего (в разных пропорциях в разных странах) для упрочения своей власти различного рода патронажно-клиентельные сети и силовые структуры. Для такого рода систем серьезными вызовами являются моменты смены лидеров. Чисто возрастной фактор указывает на возможность смены президента в пяти–семилетней перспективе в двух крупнейших странах региона – Казахстане и Узбекистане. Последующая борьба за власть может вызвать серьезную дестабилизацию в масштабах всего региона.

Граничащие в области Ферганской долины Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан подвержены очень серьезным внутри-

политическим угрозам, связанным с деятельностью религиозно-экстремистских и террористических групп.

С экономической точки зрения сырьевые экономики региона очень слабы и зависимы от перемен в конъюнктуре мировых рынков. В советский период центральноазиатские республики политически и экономически были отделены от внешнего мира «железным занавесом» и преимущественно связаны с другими бывшими советскими республиками. Степень их внутренней экономической кооперации также была достаточно высокой – межреспубликанская торговля составляла от 57 до 78% их валового производства. После распада СССР достаточно быстро восстановилась традиционная пестрота и многовекторность внешнеэкономических интересов региона. Другим внешнеэкономическим показателем стало ослабление торговых связей внутри региона. Объясняется это, во-первых, тем, что все они производят различные виды сырья (часто сходного) и, следовательно, нуждаются в рынках промышленно развитых стран. Во-вторых, между государствами региона отсутствует эффективная внутрирегиональная интеграция, а для торгового взаимодействия нет необходимого институционального базиса, поскольку никто в регионе не готов поступаться своими краткосрочными интересами ради его создания. Так, доля других стран Центральной Азии во внешнем товарообороте Казахстана, имеющего крупнейшую в регионе экономику, даже в лучшие годы не превышала 3%, а с учетом нелегальной торговли и контрабанды (включая наркотики) – 5–6%.

Кризис развивающихся рынков 1997–1998 гг., резко усиленный российским дефолтом в августе 1998 г., привел к таможенной войне между центральноазиатскими странами, формально являвшимися членами такой интеграционной структуры, как «Центральноазиатское экономическое сообщество». Узбекистан периодически перекрывал поставки газа в Киргизстан, а Казахстан отключал Узбекистану международные телефонные связи. Поезда из Туркменистана и вовсе грабили на узбекской границе. Характерной чертой является также непрочность внешнеэкономических связей стран региона. Иерархия основных торговых и инвестиционных партнеров постоянно меняется. В нижеследующей таблице представлены основные внешнеэкономические партнеры государств Центральной Азии в середине прошлого десятилетия.

**Основные внешнеэкономические партнеры
стран Центрально-Азиатского региона в 2004–2006 гг.**

Страна	Место / доля в торговле		Импорт (страна и доля в торговле), %
Казахстан	Доля пяти основных партнеров		63
	1		Россия – 96,4
	2		Китай – 19,3
	3		Германия – 7,4
	4		
Киргизстан	Доля пяти основных партнеров		69,9
	1		Россия – 38,1
	2		Китай – 14,4
	3		Казахстан – 11,7
	4		США – 11,7
Таджикистан	Доля пяти основных партнеров	87,3	62,2
	1	Нидерланды – 40,7	Россия – 24,6
	2	Турция – 31,7	Казахстан – 10,8
	3	Иран – 5,4	Узбекистан – 10,2
	4	Узбекистан – 4,8	Китай – 8,6
Узбекистан	Доля пяти основных партнеров	59,2	68
	1	Россия – 23,7	Россия – 27,6
	2	Польша – 11,6	Южная Корея – 15,1
	3	Китай – 10,4	Китай – 10,3
	4	Турция – 7,6	Германия – 7,8
Туркменистан	Доля пяти основных партнеров	69,4	52,5
	1	Украина – 47,7	ОАЭ – 15,5
	2	Иран – 16,4	Турция – 11,1
	3	Азербайджан – 5,3	Украина – 9,1
	4		Россия – 9
	5		Германия – 7,8

Источник: [Казанцев, 2008, с. 111–112].

Начиная с 1991 г. и по настоящее время в странах региона в различных сочетаниях наблюдается комплексная демодернизация в целом ряде сфер. Это снижение доли и городского населения (дезурбанизация), и промышленного производства относительно сельскохозяйственного, и / или конечного продукта внутри промышленного производства; резкое падение уровня жизни и стандартов образования и здравоохранения; отток трудовых ресурсов. Государства ЦАР практически не используют существующий в их экономиках потенциал сотрудничества, заложенный еще в советское время. В частности, структура распределения ресурсов в регионе могла бы позволить организовать эффективный обмен гидроэнергии из лежащих выше по течению рек Киргизстана и Таджикистана на углеводороды из лежащих ниже, а нефтью и газом – Казахстана, Узбекистана и особенно Туркменистана.

Серьезные разногласия не позволяют оптимизировать выработку электроэнергии в Киргизстане и Таджикистане, а также наладить орошение полей в Узбекистане и облегчить экологические проблемы Аральского моря. Узбекистан препятствует строительству новых гидроэлектростанций у северных соседей, обеспечивает им сброс воды в периоды максимумов потребления электроэнергии, обосновывая это необходимостью обеспечения водного баланса региона.

Напряженность вокруг и внутри ЦАР усиливается и тем, что территории, на которых расположены значительные месторождения углеводородов, – предмет разногласий с соседями. Наиболее существенный конфликт такого рода – спор Туркменистана и Азербайджана по поводу месторождений Каспийского моря. Серьезные претензии на тот же сектор выдвигает и Иран. Центральноеазиатские государства в немалой степени зависят от внешних инвесторов, получения новых технологий добычи природных ресурсов, развития системы трубопроводов. Геополитическая конкуренция внешних игроков за ресурсы региона и противоречия между ними сдерживают развитие экономики и даже в краткосрочной перспективе создают неопределенность в сфере направления экспортных потоков региона. Так, США препятствуют транспортировке нефти и газа через Иран в Европу. В результате этот маршрут пока используется лишь европейскими компаниями, работающими на Каспии в рамках «своповых» соглашений с Ираном. Позиции Ирана и России служат препятствием для строительства трубопроводов через Каспийское море в Азербайджан. Пока по этому маршруту танкерами экспортируется казах-

станская нефть, в частности через модернизированный порт Актау. Продолжающийся конфликт в Афганистане, а также разногласия между Индией и Пакистаном полностью блокируют строительство газопровода из Туркменистана по южному маршруту.

Основные векторы внешней политики ЦАР. Возможности и реальность

Первый вектор – Россия и ее стратегические партнеры на постсоветском пространстве (Белоруссия, Армения). Ориентация ЦАР на Центральную Евразию – макрорегион, единство которого с ЦА обусловлено исторически. Интеграцию усилила советская модернизация. В настоящее время Россия предпринимает активные шаги по реинтеграции постсоветского пространства, действуя в рамках таких организаций, как ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, продолжая играть роль основного гаранта военной стабильности в регионе. Она является важнейшим торговым партнером ЦА, а также ежегодно импортирует большое количество рабочей силы из региона. Кроме того, «постимперская идеология» опирается на уважительное отношение к той роли, которую Россия и СССР, русская культура и русский язык сыграли в модернизации региона. Причем в либерально-модернизаторском варианте эта идеология практически не отличается от прозападного выбора. Ведь на протяжении XVIII–XX вв. Россия служила историческим посредником, хотя и специфическим, в усвоении Центральной Азией западной культуры и технологий. В социально-культурной области произошел очень серьезный синтез культур коренных и некоренных народов региона. Развитию этого направления препятствуют националистические и экстремистские настроения, отсутствие со стороны России стратегии трансформации и развития потенциала прошлого.

Если ЦАР выберет Россию с сопутствующим усилением антизападнических установок, то неизбежен рост соперничества между Россией и Китаем, с одной стороны, и западными странами – с другой. Так или иначе, но у всех пророссийских идеологий в ЦА есть «слабые места». Они ориентируют регион в сторону пространства, которое еще само недостаточно восстановилось от последствий кризиса, связанного с распадом СССР, что вызывает у политических элит ЦА общее ощущение разочарования в России. Кроме того, Россия, контролируя газо- и нефтетранспортные системы региона, сохраняет в своих руках рычаги контроля доходов

от углеводородного сырья Туркменистана и, в меньшей степени, Казахстана и Узбекистана. Углеводороды из этих стран в основном попадали на рынки стран СНГ, которые не имели возможности платить за них по мировым ценам. При этом российские нефть и газ «высвобождались» для экспорта в Европу.

Второй вектор внешнеполитической ориентации региона – это США и ЕС, т.е. западный мир. Влияние европейской культуры и идентичности на регион в прошлом было невелико и шло опосредованно через российское влияние. Этому способствовали также миграционные волны из Восточной Европы в XIX – первой половине XX в., которые включали в себя, помимо прочего, переселение в Центральную Азию немцев. В настоящее время культурное влияние Запада быстро растет благодаря включению Центральной Азии в процессы глобализации. В период, последовавший за распадом СССР, в регионе неуклонно росло экономическое влияние ЕС. Его страны вышли на первые позиции в торговле с Центральной Азией, в финансово-инвестиционной деятельности в регионе, в оказании многих других видов помощи. Сотрудничество с США с момента распада СССР было сосредоточено в основном в военно-политической сфере в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» и достигло апогея в период антитеррористической операции в Афганистане, начавшейся в 2001 г. Здесь важно отметить, что подобное было бы невозможно без согласия российского руководства предоставить авиации стран коалиции военные воздушные коридоры. У Вашингтона нет прямых возможностей для поддержания и усиления своего влияния в регионе, несмотря на сотрудничество в военной сфере, в рамках которого была построена военная база в Атырау. При этом важную роль в ЦА играют негосударственные субъекты, опирающиеся на мощь США, такие как транснациональные корпорации (ТНК). Возможно, именно американское нефтяное лобби сыграло существенную роль в усилении интереса США к Центральной Азии с середины 1990-х годов. Это проявилось, в частности, в активизации деятельности западных нефтяных компаний на Каспии после подписания в 2004 г. «контракта века» с Азербайджаном, в проектах прокладки новых трубопроводных маршрутов (Транскаспийский, Трансафганский).

Пик мощной лоббистской кампании американских нефтяных ТНК в этом направлении пришелся на 1997 г. Целью ее было заставить администрацию Клинтона активизировать свою центральноазиатскую политику, сделав продвижение интересов

американских нефтяных компаний основной ее целью. Именно в 1997 г. регион Каспия был объявлен «зоной национальных интересов США». Повышенный интерес к Каспийскому региону в 1990-е годы был проявлен и экспертным сообществом. Здесь следует отметить деятельность фонда «Наследие», Института Центральной Азии при Университете Джонса Хопкинса и др. Экспертное сообщество, как и ТНК, оказывает существенное влияние на формулирование и структурирование политических приоритетов стран Запада в Центральной Азии. В стороне от данной проблематики не оказался и английский бизнес – корпорация «British Petroleum» (BP), которая стала одним из главных инициаторов политического продвижения Запада в этот регион постсоветского пространства. Запад с США в роли лидера выступает здесь как сложная и многоуровневая структура, в которой основные интересы в целом согласованы, что не исключает определенных расхождений во взглядах и приоритетах. Так, именно США блокируют сотрудничество европейских энергетических компаний с Ираном на Каспии.

Отметим, однако, что по мере снижения прогнозных оценок запасов нефти на Каспии уменьшался и американский интерес к региону. При этом именно сами энергетические компании – как американские, так и британские, – сначала «разогрели» интерес к углеводородным перспективам региона, впоследствии стали одними из главных инициаторов серьезной переоценки размеров запасов Каспия. Некоторые российские эксперты полагают, что причинно-следственная связь в данном случае была иной: оценка извлекаемых запасов была завышена в политических целях.

После распада СССР лидеры Центральной Азии декларативно были готовы поддержать западный глобалистский проект с его приоритетом прав индивида над обществом, конкурентной политической системой со свободными выборами как единственной легитимной формой политического правления, свободным внутренним рынком, а также приоритетом перечисленных принципов по отношению к национальным законодательствам государств. Однако специфические социально-политические системы Центральной Азии трудно адаптируются под эти принципы. Индивидуализм противоречит традиционной клановости. Конкурентная демократия повышает политические шансы исламских радикалов (такие угрозы имели место в Узбекистане) и может спровоцировать гражданский конфликт (война в Таджикистане). Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными

на авторитарном правлении. Приоритет международного права входит в конфликт с «национализмами» молодых наций. Страны ЦАР не могут не обращать внимание и на альтерглобалистскую критику, которая подчеркивает, что глобализация в ее современном виде консервирует деление мира на «золотой миллиард» и эксплуатируемую периферию, в которую неизбежно попадает регион.

Иной вариант прозападного выбора предполагает курс на экономическую и политическую интеграцию с Западной Европой и США. Начиная с 1991 г. все центральноазиатские государства, особенно политические элиты Казахстана и Киргизстана, сотрудничают с НАТО, США и ЕС. Интересно отметить, что в Казахстане и Киргизстане отмечается и более высокая поддержка пророссийских идеологий. Это связано с исторической ролью России в модернизации и вестернизации региона.

Цели центральноазиатской политики Евросоюза часто оказывались иерархически подчиненными целям российской политики ЕС. Даже проекты «альтернативной транспортировки», являющиеся основным предметом разногласий с Россией, часто использовались как инструмент давления на нее. Например, европейская политика «энергетической диверсификации» по отношению к ЦА частично является ответом на нежелание России следовать принципам европейской Энергетической хартии. С формальной точки зрения Россия к середине 2006 г. выиграла в политической борьбе за ЦА, которую она вела с США с середины 1990-х годов. Четыре из пяти центральноазиатских государств стали одновременно членами всех поддерживаемых Россией интеграционных проектов (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС).

Следующий существенный вектор возможного развития – это Китай и Азиатско-Тихоокеанский регион. Азиатизм (или пан-азиатизм) – достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Индии. Единство этих народов образовалось благодаря становлению гигантской торговой зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, а также ислама). Зарождение идеологии началось после победы Японии над Россией в войне 1905–1907 гг. В ходе Второй мировой войны японцы совершили много преступлений, настроив против себя другие азиатские народы. Тем не менее экономический подъем Японии после войны постепенно смягчил их отношение и способствовал тому, что азиатизм наряду

с антиколониальными и антипостколониальными настроениями включил представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом. В АТР возникла привлекательная для многих незападных обществ модель развития, сочетающая успешное развитие рыночной экономики с сохранением национальных социально-политических институтов. Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры»: Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея. После реформ Дэн Сяопина процесс бурного экономического роста охватил и Китай. Сейчас многие эксперты говорят уже о переносе центра тяжести мировой экономики с Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион. Здесь преобладают авторитарные, полуавторитарные или коммунистические режимы. В регионе мало «демократий». При этом одни очень молоды (Южная Корея, Тайвань), а другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями, как, например, доминирование одной партии в Японии.

Принятие «азиатской» идентичности могло бы решить многие проблемы развития ЦАР. В частности, оно сняло бы дилемму «ислам или развитие». Ведь среди успешно развивающихся народов тихоокеанского бассейна есть и исповедующие ислам малазийцы. Однако на этом пути неизбежны внешнеполитические и внутривнутриполитические препятствия. ЦА может «подключиться» к АТР только через Китай, что активизирует широко распространенный в регионе страх подпасть под контроль восточного соседа и подвергнуться китаизации. С внутривнутриполитической точки зрения, членство в АТР требует высокой экономической динамики и ограничения опеки государства над экономикой. Элементы контроля могут сохраняться, но не в их нынешнем виде, когда обладание властью дает возможность контроля над частной собственностью.

На уровне деклараций Туркменистан и Узбекистан в начале 1990-х годов выражали симпатии по отношению к «китайскому пути». На деле ни открытости экономики по образцу АТР, ни бурного притока иностранных инвестиций политические элиты Узбекистана и Туркменистана обеспечить не смогли.

Казахстан в настоящее время приближается к идеологии азиатизма по двум причинам. С одной стороны, благодаря удачному распоряжению природными ресурсами, страна, единственная в регионе, продемонстрировала высокие темпы экономического роста. В настоящее время создаются программы индустриального и даже постиндустриального развития страны. С другой стороны,

Казахстан постепенно отходит от европейских представлений о демократии. Это подтверждается продлением полномочий президента, управляющего страной с 1990 г., и доминированием в парламенте пропрезидентской партии «Нур Отан».

Четвертый вектор возможного движения региона – исламский мир. Сторонники такой парадигмы развития ЦАР опираются на историю. И в наши дни ислам в ЦА воспринимается многими как компонент культуры, идентичности. С исламским миром центральноазиатские государства связывают и экономические контакты. Исламский выбор может рассматриваться в какой-то мере как альтернатива западной либерально-демократической модели. Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива проявляют особую заинтересованность в укреплении позиций ислама в ЦА. Одновременно они выступают противниками сохранения в регионе российско-советской культурной традиции. Не поддерживают консервативные круги ряда мусульманских стран ни вестернизацию ЦАР, ни тем более его «азиатизацию».

Однако даже в Узбекистане и Таджикистане, где до 1917 г. позиции ислама были наиболее сильны, полному принятию распространенных в исламских странах идеологий препятствуют советское наследие и приверженность правящих элит секуляризму. Кроме того, и внутри самого мусульманского мира, например в ОИК, не удастся наладить эффективного взаимодействия даже по таким ключевым вопросам политики и международных отношений, как арабо-израильский конфликт или отношения с Западом. Что касается Исламского банка развития, то он не играет сколько-нибудь значимой роли в интеграционных процессах.

Межправительственная Организация экономического сотрудничества (ЭКО) была учреждена Ираном, Пакистаном и Турцией как региональная интеграционная структура в 1985 г. После распада СССР в нее вошли пять центральноазиатских стран и Азербайджан, и была сделана попытка воссоздать культурное и экономическое единство восточноисламского мира. Между странами, входящими в ЭКО, существуют очень большие различия в уровнях и темпах экономического развития и хозяйственной мощи. На объективные экономические причины, препятствующие интеграции, накладываются и политические разногласия. Куда более интенсивные экономические связи складываются между странами ЭКО и промышленно развитыми странами – потребителями их сырья.

В странах исламской традиции сложилось мнение о возможности изменения геополитической ориентации ЦА. Для этого маршруты транспортировки нефти и газа из этого региона должны пойти по южным направлениям. В этом случае неизбежным становится конфликт интересов, с одной стороны, с Россией, отдающей, естественно, предпочтение северным маршрутам, а с другой – со странами АТР, и прежде всего с Китаем, которому выгодна ориентация на восток. Однако и внутри «исламского сообщества» нет единства относительно географии прокладки энергетических маршрутов из ЦА. Так, Пакистан проявляет заинтересованность в транспортировке центральноазиатских нефти и газа в юго-восточном направлении, с тем чтобы стать получателем части сырья (прежде всего туркменского газа) и одновременно транзитной страной, через которую пойдут энергетические и товарные потоки в сторону Индийского океана. Соперником Пакистана выступает Иран, который нуждается в некотором количестве казахстанской нефти и туркменского газа для покрытия энергодефицита, существующего в северной части Исламской Республики, с тем чтобы в качестве замещения направлять собственное углеводородное сырье западной части страны на запад – в Европу и Турцию. По политическим причинам турецко-иранское сотрудничество в этой сфере заблокировано, и на передний план выдвигается проект Транскаспийского газопровода. Его, при активном содействии Запада, намеревались запустить в рамках программы ТРАСЕКА «Великий шелковый путь». Однако благодаря договоренностям между Россией, Казахстаном и Туркменистаном, достигнутым в 2007 г., реализация этого проекта в ближайшее время не просматривается. Вышеописанные обстоятельства позволяют сделать вывод, что «мир ислама» слабо влияет в наше время на современные политические процессы в Центральной Азии и на ее развитие в сфере энергетики.

С началом нового тысячелетия стали складываться внешнеполитические приоритеты центральноазиатских государств, их приверженность тем или иным моделям развития.

Казахстан и Киргизстан идут по пути синтеза разных идеологий – либерально-евразийской, либерально-исламской и модернизаторской. Они учитывают объективные особенности региона, которые не позволяют ему стать полностью похожим ни на Европу, ни на Азию. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что сочетание модернизации с местными традициями вполне соответствует духу «азиатизма».

В Туркменистане и Узбекистане, где особенно сильна роль государства и президентской власти, верх взяла изоляционистская тенденция. Попытки воспроизвести ее в условиях современного Таджикистана не дали особых результатов, и Таджикистан, остающийся стратегическим партнером России, не вышел в своих внешнеполитических предпочтениях за рамки многовекторной политики.

Итак, если Казахстан и Киргизстан идеологически равно приближены ко всем четырем возможным векторам развития, то Узбекистан и Туркменистан скорее равно удалены от них. Это видно по проводимым двумя группами стран курсам внешней политики. Казахстан и Киргизстан охотно принимают участие во всех возможных интеграционных объединениях как внутри СНГ, так и за его пределами. Напротив, Узбекистан и особенно Туркменистан избегают участия в каких-либо региональных и международных организациях. Туркменистан, ссылаясь на свой официально признанный ООН статус нейтрального государства, объявил несколько лет назад о прекращении своего членства в СНГ, оставаясь в этом международном объединении постсоветских государств только в качестве ассоциированного члена. Узбекистан, формально оставаясь в СНГ и ОДКБ, уклоняется от участия в большинстве их мероприятий. Таджикистан в силу сложного экономического и политического положения, приближенности к зоне афганского конфликта, угрожающего безопасности этой центральноазиатской республики, вынужден балансировать между различными региональными и нерегиональными игроками, не определившись окончательно с приоритетным вектором своей внешней политики.

Таблица 2 демонстрирует внешнеполитические приоритеты стран региона Центральной Азии во второй половине прошлого десятилетия. Исходя из этих данных, можно сделать следующие выводы:

- 1) внешнеполитические интересы и приоритеты стран Центральной Азии весьма неопределенны как в плане выбора ключевых внешних партнеров, так и в плане определения региона мира, на который они ориентируются;
- 2) эти приоритеты и интересы чрезвычайно нестабильны и подвержены конъюнктурным изменениям.

Внешнеполитические интересы и приоритеты стран Центральной Азии в 2007–2008 гг.

Страна	Сферы интересов и партнеры	Внешнеполитические интересы и приоритеты	Тип внешней политики
1	2	3	4
Казахстан	Экономическая сфера – Россия, Китай, постсоветские государства, США, ЕС. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Многовекторная политика. 2. Общие интеграционные проекты с Россией. 3. Общие инвестиционные проекты с Китаем. 4. Сотрудничество с американскими и европейскими нефтегазовыми и другими крупными сырьевыми компаниями. 5. Военное сотрудничество с НАТО и США (строительство военно-морской базы в Атырау). 	Открытая внешняя политика. Курс на интеграцию.
Узбекистан	Экономическая сфера – Россия, Китай, страны АТР. Военно-политическая сфера – Россия и Китай.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Трения с США и ЕС. Игра на их геополитической конкуренции в регионе с Россией и Китаем. 2. Заинтересованность во внешних инвестициях, особенно из АТР, Китая и России. 3. Интерес к Китаю и России как к странам, выдвигающим минимальные требования к соблюдению прав человека и демократическим стандартам. 4. Военная база НАТО (Германия) в Термезе. 	Элементы изоляционизма. Курс на развитие двусторонних отношений.
Киргизстан	Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Многовекторная политика. 2. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров. 3. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию. 4. Военные базы НАТО (США) и России. 	Открытая внешняя политика. Курс на интеграцию.
Таджикистан	Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан, Иран. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, ЕС, США.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров. 2. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию. 3. Военные базы России, НАТО (Франция), есть информация о неформальном интересе Индии к открытию военной базы в Айни. 	Умеренный курс на интеграцию. Соединение элементов открытой и закрытой внешней политики.

1	2	3	4
Туркменистан	Экономическая сфера – Россия, ЕС, США, Китай, Украина, Иран, Афганистан, Индия, Пакистан, Турция. Военно-политическая сфера – официально признанный ООН нейтральный статус.	1. Зависимость в экспорте газа от российской инфраструктуры. 2. Многовекторность газово-экспортной политики. 3. Поиск альтернативных маршрутов экспорта газа. Основные потенциальные партнеры – Китай, ЕС и США, Турция, Индия, Пакистан, Иран.	Жесткий изоляционизм. Курс на развитие двусторонних отношений.

Источник: [Казанцев, 2008, с. 111–112].

Справедливости ради следует отметить, что геополитическая неопределенность была характерна для ЦА на протяжении всего периода существования региона, который исторически представлял как «перекресток», связывавший цивилизации окраин Евразии. Это проявлялось в древности и в Средневековье, прежде всего, в форме этнических миграций, шедших из Центральной Азии во многих направлениях. В результате ЦА оказалась связана этническими узами практически со всеми регионами Евразии. Кроме того, и в советский, и постсоветский периоды в регионе наблюдался отток трудоспособного населения в Россию, что способствовало укреплению связей народов Центральной Азии и Восточной Европы.

ЦА постоянно подвергалась политическим влияниям разнообразных внешних сил, связанных с исламским миром, Китаем, Россией, Индией и Западной Европой, и сама оказывала на них немалое влияние. Все приведенные факторы вместе приводят к тому, что расплывчатость очертаний модели развития и расхождения при выборе внешних партнеров для стран региона неизбежны. В настоящее время имеются равные основания как принять, так и отвергнуть любую из описанных выше четырех «внешних» политических ориентаций. Правящие в государствах Центральной Азии политические элиты опасаются, что принятие любого из этих векторов может подорвать их позиции, а вместе с этим и стабильность государств. Поэтому наиболее выгодным для нынешних центральноазиатских властей вариантом являются такая модель политического развития и такая расплывчатая идеология, которая бы не накладывала серьезных обязательств и не угрожала направляемым «сверху» политическим процессам.

Это позволило части экспертов определить сложившуюся в странах ЦА ситуацию с внешнеполитическим выбором как «отложенный нейтралитет». Его разновидностями можно посчитать казахстанскую доктрину «евразийства», трактуемого как «ориентация» одновременно на Россию, Евросоюз, США и Китай. Близки к ней другие внешнеполитические идеологии, такие как «многовекторная политика» и политика «открытых дверей» в Таджикистане, концепция «дипломатии Шёлкового пути» и региональной безъядерной зоны в Киргизии. Особый случай – нейтралитет Туркменистана, в то время как придерживающийся курса «свободы рук и союзов» Узбекистан фактически руководствуется в своем внешнеполитическом поведении идеями «потенциального нейтрализма».

Государства ЦА в своей внешней политике стараются избегать перегибов. Они, с одной стороны, дистанцируются от России и образцов «частей бывшего СССР», а с другой – им удается избежать соблазна провозгласить себя «частью Запада». Однако считать внешней политикой центральноазиатских государств «нейтралитетом» было бы ошибочно. Такая политика не имеет ничего общего не только с классическим нейтралитетом Швейцарии и Швеции, но и с нейтралитетом государств АСЕАН. Она продиктована внутренними и внешними угрозами (нестабильностью в Ферганской долине, приближенностью ЦАР к беспокойным Афганистану и китайскому Синьцзяну).

Отсутствие в ЦА в целом четко ориентированной модели развития сближает этот регион с Африкой южнее Сахары, где наблюдается сходная ситуация неопределенности цивилизационного выбора. Поэтому в долгосрочной перспективе следование подобному политическому курсу может привести центральноазиатские государства к тем же результатам – к превращению в несостоявшиеся государства (failed states). Следует отметить и еще одну внешнеполитическую тенденцию, характерную для региона. Сегодня государства ЦАР активно стремятся вовлечь сюда внешние силы, которые позволили бы им решить комплексные задачи выживания и развития. Российский эксперт Е. Яценко справедливо замечает в связи с этим, что основной интерес центральноазиатских стран – «получение предложения, решающего весь комплекс имеющихся проблем – от экономических до цивилизационных. В свое время принадлежность к Советскому Союзу предполагала именно такое решение: защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и инфраструктуре, интеграцию

в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит, гуманитарное развитие. Сегодня национальное руководство стран Центральной Азии ищет новый вариант комплексного решения, иной по сравнению с временами СССР». С одной стороны, центральноазиатские государства нуждаются во внешнем партнере, который сможет решать в комплексе проблемы региона, как это делал союзный «центр» в бытность пребывания республик Средней Азии и Казахстана в составе СССР. С другой стороны, по совокупности внешне- и внутривнутриполитических причин новые независимые государства ЦА не готовы сделать выбор в пользу какого-то одного мирового и регионального партнера.

В ситуации преобладания в Центральной Азии центробежных сил возникает конструирование ее как международного региона внешними силами. При этом каждая из них стремится сформировать регион в соответствии с собственными интересами, т.е. прежде всего создать в нем такие институты, которые способствовали бы долгосрочному вовлечению ЦА в сферу влияния соответствующей державы. Поскольку разные вовлеченные во взаимодействие страны представляют различные регионы с разнообразными порядками, то они стремятся «подключить» ЦА к соответствующей части мира, что способствует размыванию региональной идентичности в центральноазиатских государствах. Парадокс при этом заключается в том, что сохраняющееся единство региона достигается не за счет работы центроостремительных сил, а благодаря равновесию центробежных. Центральная Азия в настоящее время существует как отдельный международно-политический регион потому, что разнонаправленные внешние силы не дают друг другу окончательно растворить этот регион в других прилегающих регионах мира.

Итак, проведенный анализ различных аспектов международного и регионального взаимодействия показывает: государства ЦА приближены скорее к полюсу минимальной институционализации. Они стараются не связывать себя слишком обременительными обязательствами, не особо строго следуют каким-то общепринятым в международной практике ценностям и принципам. Все это чревато серьезными последствиями для развития парадигм международного взаимодействия в данном регионе мира.

«Восток-Oriens», М., 2012 г., № 2, с. 74–85.